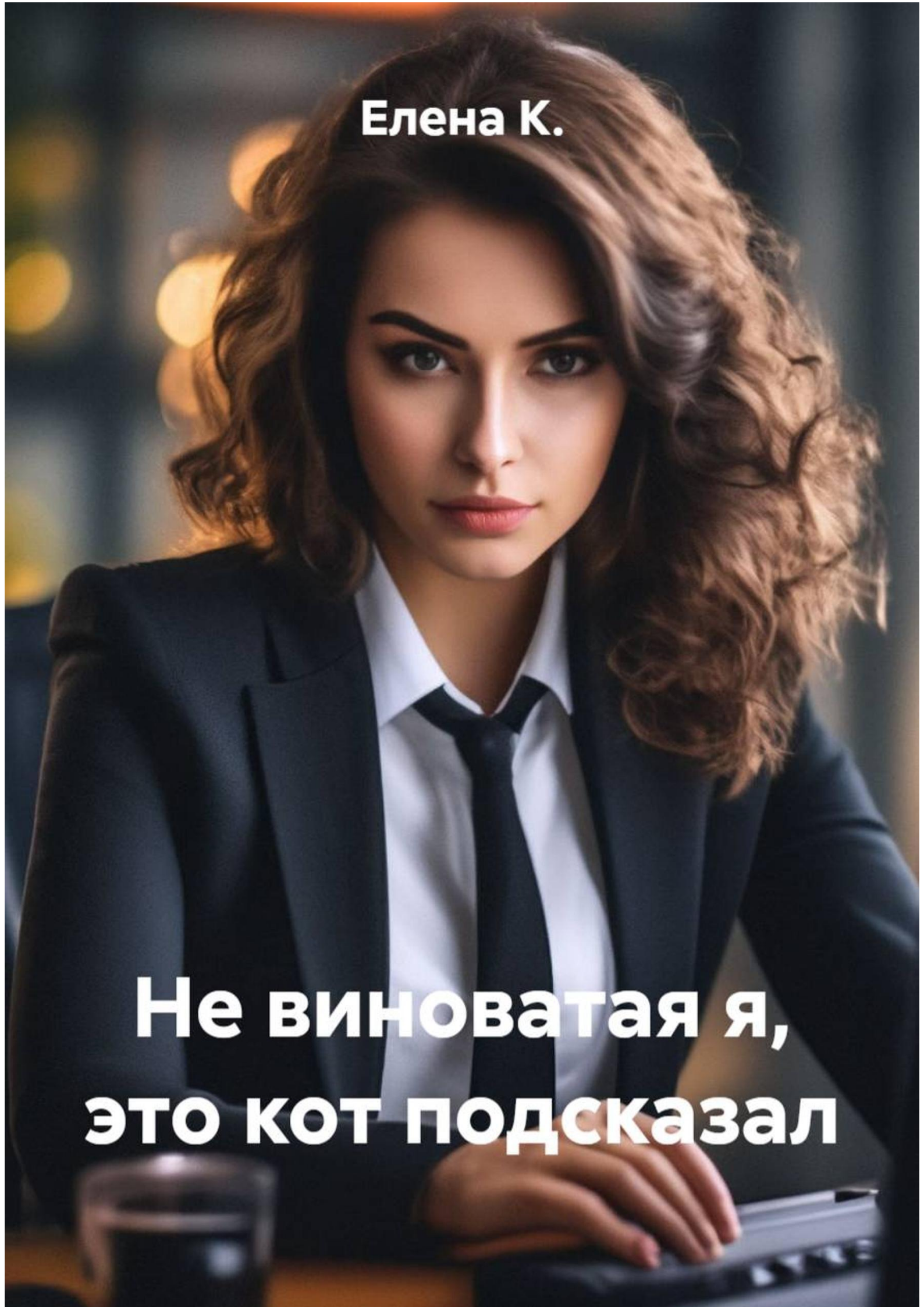

A woman with long, wavy brown hair and light blue eyes is looking directly at the camera. She is wearing a dark blue business suit jacket over a white collared shirt and a dark tie. She is sitting at a desk, and her hands are resting on a black keyboard. The background is blurred, showing warm, out-of-focus lights.

Елена К.

**Не виноватая я,
это кот подсказал**

Елена К.

Не виноватая я, это кот подсказал

«Автор»

2026

К. Е.

Не виноватая я, это кот подсказал / Е. К. — «Автор», 2026

Закрученный городской детектив, где преступники не прячутся в переулках, а маскируются под скучные строчки в платёжках и «перспективные планы на 20..... год». Света — не частный сыщик с плащом, а журналистка, у которой вместо лупы — рулетка, вместо дедукции — калькулятор, а вместо досье — папка с актами и фотофиксацией. Её противники — трещины на фасаде, тёмные проходы, завышенные ОДН и отписки, которые умеют исчезать быстрее, чем улики с места преступления. Каждое расследование — отдельное дело. Это детектив, где финал зависит не от случайной находки. И пусть справедливость станет главной уликой!

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. «Утро начинается не с кофе, а с катастрофы»	6
Глава вторая. «Сплетни вкуснее пирожных»	9
Глава третья. «Круассан с секретом»	12
Глава четвёртая. «Тёплый хлеб и холодные цифры»	15
Глава пятая. «Когда булочки уже не пахнут уютно»	18
Глава шестая. «Цена одной правды»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Не виноватая я, это кот подсказал

Все совпадения в этой книге случайны. И к реальности не имеют никакого отношения. Все это художественный вымысел. Не ищите тут никаких совпадений ни с какими либо организациями и людьми. Их тут нет.

Слушай, давай сразу расставим все точки над «ё», чтобы никто не хватался за сердце и не бежал писать гневные письма в приёмные. ##

Вся эта история — чистейшей воды художественный вымысел. Абсолютно всё: Заречье, Южный, редакция, «Калькулятор честной платёжки», карта с зелёными и красными отметками, даже Марсик (который, будем честны, подозрительно умный для дворового кота) — придумано от первой до последней буквы. Ни один фонарь, ни одна труба, ни одна строчка в квитанции тут не пострадали в реальной жизни.

Никакие реальные управляющие компании, администрации, фонды капремонта и прочие серьёзные организации тут ни сном ни духом. ООО «ФасадСтрой-Регион» никогда не выигрывало никаких тендеров, потому что его вообще не существует — я его буквально пять минут назад из головы выдумала. А все герои — Света, Надя, Артём, Илья Сергеевич — плод моего воображения и любви к хорошим историям, где добро (в виде ГОСТов, калькуляторов и настойчивых жителей) побеждает зло (в виде дырявых труб и тёмных проходов).

Так что, если ты вдруг узнал в этом рассказе свой двор, свой подъезд или свою квитанцию — это просто магия совпадения. Или, что вероятнее, у нас у всех очень похожие города, где вечно что-то надо починить, подкрасить и пересчитать. Но конкретно эти события — точно не про твой дом. Честное слово! ##

И да, если вдруг какой-нибудь реальный чиновник или директор УК прочитает это и подумает: «Эй, это что, про меня?!» — нет, это не про тебя. Это про собирательный образ всех тех мест, где хочется, чтобы было светлее, безопаснее и честнее. И про людей, которые не боятся брать в руки рулетку, калькулятор и папку с документами, чтобы этого добиться.

А если кто-то всё равно обидится — ну, тогда пусть считает это комплиментом: мол, в твоём районе всё настолько идеально, что автору пришлось выдумывать проблемы, потому что в реальности их просто нет. ##

Так что выдохните, расслабьтесь и воспринимайте эту историю как сказку на ночь — только не про драконов, а про фонари, трубы и справедливость. И пусть в реальной жизни всё всегда будет чуть лучше, чем в самом хорошем вымысле. ##Твоя Елена К.

Глава первая. «Утро начинается не с кофе, а с катастрофы»

Светлана Калмыкова проснулась от того, что на грудь ей мягко, но увесисто приземлился Марсик.

— Ты что, по мне как по батуту прыгал? — проворчала Света, пытаясь выбраться из-под пушистого груза.

Марсик невинно замигал жёлтыми глазами, будто он тут ни при чём, и тут же боднул её в подбородок.

— Ладно, ладно, я поняла. Завтрак. Но сначала душ. Иначе я сегодня вообще никуда не пойду.

Она кое-как выползла из кровати, по пути чуть не споткнувшись о коробку с обувью, которую вчера так и не разобрала. В прихожей висел календарь с котятами, который Света терпеть не могла, но выбросить рука не поднималась — подарок мамы. На кухне пахло вчерашним кофе и чем-то подозрительно кошачьим.

Пока вода в душе набиралась, Света заглянула в телефон. Три пропущенных от подруги Нади, одно голосовое от мамы («Светик, ты когда в гости зайдёшь?») и сообщение от редактора: «Света, где материал про открытие пекарни? Срок был вчера».

— Ну вот, — вздохнула Света. — День официально испорчен.

Марсик, уже доевший свою порцию, подошёл и уставился на хозяйку с видом «а теперь давай развлекать меня».

— У меня вообще-то работа, — сказала Света, натягивая футболку. — Я не аниматор.

В ответ Марсик ловко прыгнул на подоконник, смахнул лапой маленький кактус (тот чудом уцелел) и демонстративно сел, обернув хвост вокруг лап.

— Вот именно, — буркнула Света. — Ты у нас главный специалист по созданию хаоса.

Пекарня «Тёплый хлеб» находилась на главной улице Верхнереченска — аккуратно между аптекой и салоном красоты «Локон счастья». Света подошла к витрине, где за стеклом выстроились румяные булочки, круассаны и пирог с вишней, от которого у неё сразу заурчало в животе.

Дверь звякнула, и навстречу вышла хозяйка пекарни — Марина Викторовна, дама внушительная, с туго закрученными локонами и взглядом, который, казалось, мог испепелить просроченный товар на месте.

— А, Светлана! — голос у неё был такой, будто она объявляла не приветствие, а приговор. — Наконец-то. Я уж думала, вы передумали писать.

— Не передумала, — бодро ответила Света, доставая диктофон. — Просто жизнь немного мешала.

Марина Викторовна поджала губы:

— Жизнь у всех мешает. А пекарню открывать надо. И про неё писать тоже.

Света улыбнулась самой располагающей улыбкой, какую смогла изобразить:

— Тогда расскажите, с чего всё началось. И, если можно, покажите кухню — читатели любят детали.

Хозяйка вздохнула, но кивнула:

— Ладно. Только быстро. У нас через час дегустация.

Они прошли через зал, мимо столиков с клетчатыми скатертями, и оказались в святая святых — на кухне. Здесь пахло ванилью, корицей и горячим тестом. Два пекаря в белых колпаках сновали между духовками, а третий что-то энергично месил.

— Это наш главный секрет, — шепнула Марина Викторовна, указывая на большую кадку с тестом. — Никто, кроме меня, не знает точного состава закваски.

— Очень интригует, — кивнула Света, делая заметку. — А можно пару слов о том, почему именно Верхнереченск?

Марина Викторовна на секунду задумалась, и в её взгляде мелькнуло что-то такое, что Свете вдруг стало не по себе.

— Потому что здесь все друг друга знают, — медленно произнесла хозяйка. — И если кто-то задумает недоброе... мы сразу поймём.

Света хотела спросить, что она имеет в виду, но тут из соседней комнаты раздался грохот, за которым последовал сдавленный крик.

Все замерли.

Через секунду в дверях появился пекарь с бледным лицом и дрожащей рукой:

— Там... в кладовке... Аркадий Петрович...

Света нахмурилась:

— Какой Аркадий Петрович?

— Тот самый, — прошептала Марина Викторовна, хватаясь за край стола. — Тот, кто дал нам деньги на ремонт. Тот, без кого этой пекарни бы не было.

Они бросились в кладовку.

Аркадий Петрович лежал на полу среди мешков с мукой. Глаза были закрыты, лицо — неестественно спокойное. Рядом валялась пустая бутылка из-под воды и смятый листок бумаги.

Света наклонилась, чтобы рассмотреть записку, но Марина Викторовна резко схватила её за руку:

— Не трогай! Пусть полиция разбирается.

Но Света уже успела прочитать три строчки, прежде чем листок исчез в кармане хозяйки: «Я всё знаю. Не пытайтесь скрыть. Это конец».

На улице завывали сирены. Через пару минут у входа в пекарню уже толпились любопытные жители: тётя Зина из цветочного, парикмахер Игорь, даже мальчик из киоска с газетами прибежал, забыв закрыть кассу.

К Свете подошёл участковый Игорь Степанович — мужчина лет пятидесяти, с усталыми глазами и вечной складкой между бровей, будто он всю жизнь пытался разгадать одну большую загадку.

— Светлана, опять ты тут, — вздохнул он. — И вечно рядом с трупами.

— Я не специально, — возразила Света. — Я просто за материалом пришла.

Игорь Степанович покосился на неё:

— Материал подождёт. А вот показания — нет. Расскажи, что видела.

Света честно пересказала всё, что успела заметить, включая странную записку. Участковый слушал, кивал, но в глазах у него читалось: «Опять эта Калмыкова лезет не в своё дело».

Когда он наконец ушёл, к Свете подскочила Надя — её подруга, рыжая, энергичная и всегда в курсе всех городских сплетен.

— Ты слышала? — зашептала она, хватая Свету за рукав. — Говорят, Аркадий Петрович кому-то перешёл дорогу. У него долгов было — на три пекарни хватит. И врагов — ещё больше.

— Да ладно, — недоверчиво протянула Света. — Кто в нашем городе способен на убийство?

Надя хихикнула, но взгляд у неё был серьёзный:

— Да любой. Особенно если речь о деньгах. Или о репутации. Или... о чём-то, что он знал.

Света вспомнила записку. «Я всё знаю».

В этот момент из дверей пекарни вышел Марсик — как всегда, не вовремя. Он обнюхал угол, фыркнул и уставился на толпу, будто оценивал, кого можно напугать первым.

— Марсик! — позвала Света. — Иди сюда, герой.

Кот лениво подошёл, потерся о её ногу и вдруг замер, уставившись в сторону переулка. Там, в тени старого забора, мелькнула чья-то фигура — и тут же исчезла.

Света прищурилась.

— Ты это видел? — спросила она у Марсика.

Тот только мяукнул, будто говоря: «А я что? Я просто мимо проходил».

Но Света уже знала: это не совпадение. В Верхнереченске совпадений не бывает.

И если Аркадий Петрович действительно знал что-то важное... значит, кто-то очень не хочет, чтобы эта правда всплыла.

А раз так — придётся выяснить самой.

Даже если для этого придётся снова поспорить с участковым, поспорить с редактором и, возможно, снова чуть не уронить кактус.

Глава вторая. «Сплетни вкуснее пирожных»

Утро в Верхнереченске начиналось бодро: на главной улице уже пахло свежей выпечкой, а у подъезда Светы толпились соседки — не ради кофе, а ради новостей. Стоило ей выйти, как тётя Зина из цветочного тут же выпалила:

— Ну что, Светик, говорят, ты первая труп увидела? Прямо как в кино!

Света натянула капюшон и попыталась проскользнуть мимо, но не тут-то было: вокруг сомкнулось кольцо любопытства.

— Да я не первая, — буркнула она. — Я вообще за материалом про пекарню пришла.

— Ага, — кивнула баба Катя, которая знала всё про всех, даже про тех, кто ещё не родился. — А материал сам собой в кладовку запрыгнул.

Марсик, шедший рядом, демонстративно фыркнул, будто осуждал весь этот цирк. Потом ловко перепрыгнул через чью-то сумку и скрылся в кустах сирени — там, где безопаснее.

— Марсик, ну куда?! — вздохнула Света.

— Не переживай, — подмигнула Надя, внезапно вынырнувшая из-за угла. — Он сейчас вернётся. У него нюх на неприятности. И на колбасу.

Света покосилась на подругу:

— Ты-то откуда взялась?

— А я, между прочим, работаю, — гордо заявила Надя, потрясая блокнотом. — Веду хронику городских событий. То есть, помогаю тебе вести.

— Мне не нужна помощь, — машинально возразила Света, хотя в глубине души была рада.

— Нужна, — отрезала Надя. — Потому что одна ты вечно вляпываешься. А вдвоём — хотя бы есть кому сказать «я же говорила».

Они направились к кафе «Уют», где по утрам собиралась вся местная знать: от парикмахера Игоря до бухгалтера из администрации. В «Уюте» новости не просто обсуждали — их доводили до совершенства, добавляя деталей, пока история не становилась почти легендой.

Внутри пахло кофе и свежими сплетнями. За дальним столиком сидела вдова Аркадия Петровича — Елена Сергеевна. Дама лет сорока пяти, с прямой спиной и взглядом, который мог бы заморозить даже горячий чай. Рядом с ней примостился молодой мужчина в дорогом пальто — судя по всему, адвокат. Они о чём-то тихо спорили, и Елена Сергеевна время от времени постукивала ложечкой по блюдцу — звук был такой, будто она отбивает сигнал бедствия.

— Вот это да, — прошептала Надя. — Вдова уже в кафе. И не плачет, не рыдает... А ведёт себя так, будто у неё совещание.

— Может, она просто сильная, — предположила Света, хотя сама в это не верила.

— Сильная — да, — кивнула Надя. — Но не настолько. У неё муж вчера умер, а она уже с адвокатом совещается. Это либо нервы стальные, либо... есть причина торопиться.

Света достала блокнот.

— Ладно, — сказала она. — Будем работать под видом интервью для блога. «Жизнь города после трагедии» — звучит солидно.

Надя хихикнула:

— Главное, не спроси её, как она спала прошлой ночью. А то получишь ответ, который потом неделю снится будет.

Света подошла к столику, стараясь выглядеть максимально непринуждённо.

— Елена Сергеевна, здравствуйте, — начала она, изображая самую тёплую улыбку. — Я Светлана Калмыкова, веду городской блог. Хотела бы написать небольшой материал... о том, как город переживает эту трагедию. Если вам, конечно, не слишком тяжело.

Вдова подняла на неё холодные глаза.

— Тяжело, — коротко ответила она. — Но писать всё равно будут. Пусть лучше вы, чем эти... журналисты из областного центра, которые напишут, что у нас тут деревня людоедов.

Адвокат кашлянул, явно недовольный тем, что клиентка вообще заговорила.

— Мы сейчас не готовы к интервью, — произнёс он сухо. — У нас... деликатные вопросы.

Елена Сергеевна махнула рукой:

— Пусть напишет. Только без соплей. Без «мы все скорбим» и прочей ерунды. Напишите правду. Если сможете.

Света сглотнула.

— Хорошо, — кивнула она. — Тогда один вопрос: Аркадий Петрович... он в последнее время не казался вам... встревоженным? Может, говорил о каких-то проблемах?

Вдова помолчала, будто взвешивала каждое слово.

— Он всегда был встревожен, — наконец сказала она. — Это у него профессия такая — тревожиться. Деньги, долги, сделки... Он жил на нервах. Но вчера... вчера он был спокоен. Слишком спокоен. Как будто всё решил.

Адвокат снова кашлянул, на этот раз громче.

— Достаточно, — сказал он. — Мы не будем обсуждать личные дела.

Елена Сергеевна лишь пожала плечами:

— Личные дела в этом городе давно стали общественными.

Света сделала пометку в блокноте: «Слишком спокоен — как будто решил». Фраза царапнула что-то внутри.

Когда они отошли, Надя схватила Свету за рукав:

— Слышь, а это ведь подозрительно! Если человек слишком спокоен перед смертью — значит, он либо ничего не боится, либо уже всё устроил.

— Или просто устал бояться, — возразила Света. — Люди по-разному реагируют.

— Ага, — хмыкнула Надя. — Только не в нашем городе. У нас если кто-то спокоен, значит, он что-то задумал. Или знает, что его не поймают.

Тут из-за угла выскочил Марсик. В зубах он держал что-то маленькое и блестящее.

— Марсик! — ахнула Света. — Ну сколько раз тебе говорить — не подбирай всякую гадость!

Кот плюхнулся на пол, выплюнул находку и уставился на хозяйку с видом «а что такого?».

Это была пуговица. Не простая, а с монограммой — изящные завитки, похоже, ручная работа. И очень дорогая.

— Где ты это взял? — спросила Света, поднимая пуговицу.

Марсик только моргнул.

— Слушай, — прошептала Надя, наклоняясь ближе. — А ведь такие пуговицы были на пальто Аркадия Петровича. Я точно помню — он в нём на открытии пекарни ходил.

Света похолодела.

— То есть... Марсик нашёл пуговицу от одежды убитого... прямо возле кафе? Где сидела вдова с адвокатом?

— Именно, — кивнула Надя. — И знаешь, что это значит?

— Что у меня кот — главный сыщик города? — мрачно пошутила Света.

— Нет, — серьёзно ответила Надя. — Это значит, что кто-то здесь был рядом с Аркадием Петровым в момент... ну, ты поняла. И пуговица оторвалась не просто так.

Света посмотрела на пуговицу, потом на дверь кафе, за которой всё ещё сидела Елена Сергеевна. В голове крутилась фраза вдовы: «Он всё решил».

Что именно он решил? И кому это решение могло стоить жизни?

В этот момент к ним подошёл участковый Игорь Степанович. Вид у него был такой, будто он только что пытался объяснить кому-то, почему нельзя звонить в полицию из-за летающих голубей.

— Калмыкова, — вздохнул он. — Опять ты. И опять с котом.

— Мы не специально, — оправдывалась Света. — Просто... вот, пуговицу нашли.

Она протянула находку.

Игорь Степанович посмотрел на пуговицу, потом на Марсика, потом снова на Свету.

— И где вы её взяли?

— Марсик принёс, — честно призналась Света.

Участковый прикрыл глаза, будто молился о терпении.

— Ладно. Пуговицу я заберу. А вы... постарайтесь не находить больше улики. Особенно если их приносит кот.

Когда он ушёл, Надя захихикала:

— Ну вот, теперь мы официально помощники следствия. Правда, неофициальные.

— Я не хочу быть помощником, — проворчала Света. — Я хочу просто написать нормальный материал.

— Нормальные материалы в Верхнереченске не пишутся, — философски заметила Надя. — Тут либо скука, либо детектив. А у нас явно детектив.

Марсик подошёл, боднул Свету в ногу и уставился на витрину с пирожными.

— Ладно, — сдалась Света. — Один круассан. Но только потому, что мы заслужили.

И пока они ели, Света всё думала о той записке: «Я всё знаю. Не пытайтесь скрыть. Это конец».

Кто её написал? Кому она была адресована? И самое главное — знал ли Аркадий Петрович, что этот «конец» уже близко?

Глава третья. «Круассан с секретом»

Света сидела на подоконнике в своей крошечной кухне, болтая ногами и пытаясь собрать мысли в кучу. Перед ней лежал блокнот, исписанный кривыми стрелками, кружочками и пометками вроде «пуговица пальто А.П. кафе вдова». Рядом, на краю стола, Марсик с подозрением обнюхивал остывший круассан.

— Даже не думай, — строго сказала Света. — Это улика. Ну, или завтрак. Пока не решила.

Марсик фыркнул, будто оскорбился, и спрыгнул на пол, чтобы начать охоту на невидимого врага под диваном.

Телефон завибрировал. На экране высветилось: «Редактор». Света зажмурилась, как перед ударом, и всё-таки взяла трубку.

— Светлана, — голос редактора звучал не зло, а устало, что было даже хуже. — Ты мне обещала материал про пекарню. А у меня в ленте висит: «В пекарне найден труп». Это не тот контент, который мы договаривались.

Света сжала телефон так, что пальцы побелели.

— Я работаю над этим, — выдавила она. — Просто... ситуация усложнилась.

— Усложнилась? — хмыкнул редактор. — Света, у тебя всегда всё усложняется. Мне нужен текст: уютный, тёплый, про булочки и добрые руки пекарей. Про то, как город радуется новому месту. А не про трупы и пуговицы.

— Но это и есть теперь часть истории города, — возразила Света. — Люди хотят знать, что происходит.

— Люди хотят есть булочки и не думать, что рядом с духовкой кто-то умер, — отрезал редактор. — Срок — завтра. Или я ставлю другого автора.

Гудок. Тишина.

Света медленно опустила телефон.

— Ну вот, — пробормотала она. — Теперь я либо раскрою убийство, либо потеряю работу. Отличный выбор.

В дверь позвонили так настойчиво, будто за ней стояла сама судьба с папкой «Срочно!». На пороге стояла Надя, покрасневшая, с горящими глазами и пакетом из «Уюта».

— Ты не поверишь! — выпалила она, врываясь в квартиру. — Я только что разговаривала с Лилей, официанткой из кафе. Она сказала, что вчера, буквально за час до... ну, ты знаешь, Аркадий Петрович был там. И не один.

Света тут же забыла про редактора.

— С кем?

— Вот тут самое интересное, — Надя понизила голос, хотя в квартире кроме них был только Марсик, который уже пытался стащить пакет. — С пекарем. С тем самым, который потом кричал в пекарне. С Димой.

— Дима? — переспросила Света. — Но он же обычный парень. Тихий, вежливый...

— Тихий, да, — кивнула Надя. — Но Лиля говорит, они спорили. Громко, так что за соседними столиками слышали. Аркадий Петрович тыкал пальцем в Диму и говорил: «Ты знаешь, что на кону. Не смей меня подставлять». А Дима бледнел и шептал: «Я не хотел, чтобы так вышло».

Света почувствовала, как по спине пробежал холодок, совсем не похожий на сквозняк.

— И никто не вызвал полицию?

— Да ты что, — фыркнула Надя. — В «Уюте» привыкли к ссорам. Там если не кричат, значит, день не задался. Никто и не подумал, что это... серьёзно.

Света схватила блокнот.

— Надо поговорить с Димой. Прямо сейчас.

Надя хитро прищурилась:

— А я уже придумала легенду. Ты приходишь как журналистка — мол, хочешь сделать материал о людях пекарни. О том, как они справляются с трагедией. Тёплый, душевный текст.

Света поморщилась:

— Это как раз то, что просил редактор. Только теперь это прикрытие.

— Зато честно, — подмигнула Надя. — И если он начнёт врать — ты сразу заметишь. У тебя же нюх на ложь. Почти как у Марсика на колбасу. Пекарня «Тёплый хлеб» сегодня выглядела иначе. Вчера здесь была суеда и аромат свежей выпечки, а сегодня — тишина, нарушаемая только тиканьем часов и редким звоном посуды. Марина Викторовна стояла у кассы, теребя край фартука. При виде Светы её лицо стало каменным.

— Опять вы, — вздохнула она. — А я-то надеялась, что полиция забрала все вопросы с собой.

— Не все, — мягко сказала Света. — Я не полиция. Я хочу написать о людях. О тех, кто здесь работает. О том, как им тяжело сейчас. Это важно для города.

Марина Викторовна помолчала, потом махнула рукой:

— Ладно. Только быстро. И не мешайте. Дима сейчас на кухне. Но предупреждаю: он сам не свой.

Дима стоял у огромной печи, уставившись на противень с булочками так, будто пытался взглядом заставить их подняться. Он не заметил, как вошли Света и Надя.

— Дима, — тихо позвала Света.

Парень вздрогнул, обернулся. Лицо было серым, под глазами залегли тёмные тени.

— Вы... — начал он и замолчал, будто слова застряли в горле.

— Прости, что отвлекаю, — сказала Света, стараясь говорить спокойно. — Я пишу материал. О пекарне, о людях... о том, как вы держитесь. Если тебе не хочется — я уйду.

Дима сжал кулаки, потом медленно разжал.

— Нет, — хрипло произнёс он. — Пусть будет. Пусть люди знают... не то, что пишут в газетах.

— Тогда расскажи, — попросила Света. — Что тут происходило? Не про тесто, а про... всё остальное.

Дима посмотрел на неё долгим, усталым взглядом.

— Аркадий Петрович, — начал он, понизив голос. — Он дал деньги на ремонт. Но не просто так. Он хотел долю. Хотел, чтобы тут всё было под его контролем. Говорил, что знает, как вести бизнес. А я... я просто хотел печь хлеб. Хороший хлеб.

— И вы с ним поссорились? — осторожно спросила Света.

Дима вздрогнул, будто его ударили.

— Да, — признался он. — Вчера. В кафе. Он сказал, что если я не подпишу бумаги, он закроет пекарню. Что у него есть рычаги. Я кричал, что не позволю ему портить наше дело... но я его не убивал! Клянусь!

Света посмотрела ему в глаза. Он не отводил взгляд. В нём была боль, усталость, страх — но не было лжи. По крайней мере, Света очень хотела в это верить.

— Кто-то ещё знал про эту ссору? — спросила она.

Дима горько усмехнулся:

— Да весь город знал. Мы не особо скрывались. Но я не трогал его. Я просто... не выдержал давления.

Тут из-за спины Светы раздался голос:

— Очень трогательно. Только не надо делать из него героя.

Все обернулись. В дверях стояла Елена Сергеевна, вдова Аркадия Петровича. Сегодня она была в чёрном пальто, и даже её тень казалась угрюмой.

— Он угрожал моему мужу, — продолжала она, чеканя слова. — Дима кричал, что уничтожит его репутацию, что расскажет всем, как Аркадий Петрович отмывает деньги через мелкие бизнесы. Это не просто ссора. Это шантаж.

Дима побледнел ещё сильнее.

— Я не шантажировал! — почти выкрикнул он. — Я просто хотел, чтобы он оставил нас в покое!

Елена Сергеевна холодно улыбнулась:

— В нашем городе слова весят больше, чем золото. И иногда убивают быстрее пули.

Она повернулась и вышла, оставив после себя запах дорогих духов и тяжёлую тишину.

Света подошла к Диме, который теперь казался совсем юным и потерянным.

— Слушай, — тихо сказала она. — Если ты что-то знаешь... или если тебе что-то угрожает... ты можешь рассказать мне. Я не сдам тебя полиции. Но я должна знать правду.

Дима покачал головой:

— Я ничего не знаю. Кроме того, что моя жизнь теперь не будет прежней. Когда они вышли на улицу, Надя схватила Свету за руку:

— Ну что? Ты ему веришь?

Света закусила губу.

— Верю, что он не хотел убивать. Но... он мог стать причиной. Иногда достаточно просто сказать что-то вслух, чтобы запустить лавину.

На тротуаре, прямо у их ног, сидел Марсик и старательно вылизывал лапу. Рядом с ним лежал ещё один маленький предмет — скомканный чек. Света наклонилась и подняла его.

Чек из «Уюта», вчерашний. Время — 14:32. Сумма — 420 рублей. И подпись — «А.П.».

— Смотри, — прошептала Света, показывая чек Наде. — Аркадий Петрович платил за кофе. Значит, он был в кафе. И чек остался. Кто-то мог его выронить... или специально оставить.

— Или это улика, — прошептала Надя. — Которую опять нашёл кот.

Марсик мяукнул, будто подтверждал: «Да, я тут главный детектив. А вы просто записывайте».

Света спрятала чек в блокнот. В голове складывалась мозаика: ссора, угрозы, странная записка, пуговица, чек... и кто-то, кто очень не хочет, чтобы правда всплыла.

А ещё — срок для материала, который надо сдать завтра.

— Знаешь, что мы сделаем? — вдруг сказала Света, выпрямляясь. — Мы напишем этот материал. Но не обычный. Мы расскажем историю пекарни — через людей. Через их страхи, надежды... и через то, что случилось. Это будет честно.

Надя улыбнулась:

— То есть мы объединяем расследование и работу?

— Именно, — кивнула Света. — Пусть редактор получит свой «тёплый» текст. А мы тем временем найдём убийцу.

И, словно в знак одобрения, из пекарни донёсся аромат свежего хлеба — тёплый, уютный и обманчиво спокойный.

Глава четвёртая. «Тёплый хлеб и холодные цифры»

Света сидела за своим старым, скрипучим столом, перед ней лежал чистый лист, а над ним висело немое обвинение: «Уютный материал. Тёплый. Про булочки». Редактор хотел сказку. А у неё в блокноте — пуговица, чек, ссора пекаря с покойным инвестором и фраза вдовы: «Слова убивают быстрее пули».

— Ладно, — пробормотала Света, потирая виски. — Начнём с правды. Но так, чтобы это звучало... по-доброму.

Она напечатала заголовок: **«Тёплый хлеб: история одной пекарни, где пахнет корицей и надеждой»**. Звучало как прикрытие. Но, может, в этом и была правда — люди ведь приходили сюда не только за выпечкой, а чтобы на пять минут забыть, что город полон тайн.

Марсик запрыгнул на клавиатуру, оставив на пробеле пушистый след.

— Ты мне не помощник, — вздохнула Света. — Ты редактор-саботажник.

Кот фыркнул, спрыгнул и устался на полку с книгами — туда, где Света хранила старые подшивки городских газет. Ещё в прошлом году она скачала архив местной прессы, но руки не доходили разобрать. А теперь... теперь ей нужны были не тёплые слова, а факты.

Она открыла папку «Верхнереченск-2019» и вбила в поиск «Аркадий Петрович Ветров» (фамилия всплыла в разговоре с Надей). Экран мигнул, и перед ней появилась статья трёхлетней давности: **«Инвестор обещает городу перемены: Ветров выкупает старую промзону»**.

Света кликнула. Текст был типичным: бодрые обещания, фото Аркадия Петровича в костюме, который стоил дороже всей её квартиры, и цитата: «Мы сделаем этот город точкой роста». Но внизу, в самом конце, была строчка, от которой у Светы похолодели пальцы: *«Ранее компания Ветрова фигурировала в проверках по подозрению в нецелевом использовании средств при строительстве торгового центра в соседнем районе. Дело было закрыто за отсутствием состава преступления»*.

— Закрыто, — прошептала Света. — То есть, не доказали. Но подозревали.

Она полезла дальше. Архив за 2017 год. Ещё одна заметка: **«Скандал в кооперативе Рассвет: пайщики требуют вернуть деньги»**. И снова фамилия Ветрова — как инвестора, который «помог с документами». Пайщики тогда кричали, что их обманули, но в итоге всё замяли: кто-то забрал заявление, кому-то выплатили копейки...

— Марсик, — тихо позвала Света. — Кажется, наш покойный благодетель был не таким уж благодетелем.

Кот лениво приоткрыл глаз, будто говоря: «Я тебе сразу говорил, что от богатых пахнет подвохом».

Света сделала несколько скриншотов, скопировала даты и названия фирм. В голове складывалась картина: Аркадий Петрович не просто давал деньги — он входил в проекты, чтобы контролировать их. А если что-то шло не так... он умел давить.

Тут в дверь снова позвонили. На пороге стояла Надя, но на этот раз без улыбки. В руках она держала потрёпанный конверт.

— Я кое-что нашла, — сказала она, входя и оглядываясь, будто боялась, что за ней следят. — В архиве библиотеки. Старая папка с документами по кооперативу «Рассвет». Там есть копия договора, где подпись Аркадия Петровича стоит рядом с пунктом о «праве решающего голоса». То есть он не инвестор, Света. Он хозяин. Просто не афишировал.

Света посмотрела на конверт, потом на свои заметки.

— Значит, он не просто вкладывался, — медленно произнесла она. — Он забирал контроль. И если кто-то пытался вырваться... он мог уничтожить.

Надя кивнула:

— Именно. И теперь подумай: Дима хотел сохранить пекарню. А Аркадий Петрович хотел её контролировать. Для Димы это был хлеб. Для Аркадия — ещё один рычаг.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только тиканьем старых часов.

— Получается, мотив был не только у Димы, — прошептала Света. — Мотив был у всех, кто когда-то попал в его сети.

— И у вдовы, — добавила Надя. — Представь: ты живёшь с человеком, который умеет так виртуозно запутывать дела, что даже после смерти его тень висит над всем городом. Может, Елена Сергеевна устала бояться. Или знала, что он готовит что-то крупное... и решила остановить.

Света покачала головой:

— Слишком много «может». Мне нужны факты.

Она снова открыла ноутбук и начала печатать. Но теперь её «тёплый» материал начал обретать другой оттенок.

«История Тёплого хлеба — это не только про муку и дрожжи. Это про людей, которые рискнули начать своё дело. Про Марину Викторовну, которая верила, что сможет создать место, где всем будет уютно. Про Диму, который мечтал просто печь хороший хлеб, не думая о процентах и прибылях. И про ту цену, которую иногда приходится платить за чужие амбиции...»

Света остановилась. Это уже не было похоже на рекламный текст. Это было начало расследования.

Телефон снова завибрировал. Редактор. Света зажмурилась, но ответила.

— Ну что, есть текст? — голос звучал чуть мягче, чем вчера.

— Есть, — сказала Света. — Но он... не совсем такой, как ты хотел.

— В смысле?

— В смысле, я не могу писать про булочки, когда рядом убили человека, который пытался эту пекарню подмять под себя. Я расскажу про людей. Про их страх. Про то, как им тяжело. Это тоже правда.

На том конце провода повисло молчание. Потом редактор вздохнул:

— Ладно. Пришли то, что есть. Только... постарайся не разжигать. Город и так на взводе. Когда она положила трубку, Надя посмотрела на неё с уважением.

— Знаешь, — сказала подруга, — ты могла бы просто написать про круассаны. Но ты не стала.

— Потому что круассаны не объясняют, почему человек умер с запиской «Я всё знаю», — ответила Света. — И пока я не пойму, что он знал... я не смогу спокойно есть выпечку.

В этот момент Марсик, который до этого мирно спал на подоконнике, вдруг вскочил, распушил хвост и уставился в окно.

— Что там? — спросила Света.

Кот издал короткий, резкий звук — не мяуканье, а что-то среднее между рычанием и предупреждением.

Света подошла к окну. Внизу, у подъезда, стоял мужчина в тёмной куртке. Лицо было скрыто капюшоном, но что-то в его позе показалось знакомым. Он не смотрел на окна — он будто чего-то ждал.

— Надя, — тихо сказала Света. — У нас гость. И мне он не нравится.

Подруга метнулась к окну, выглянула и тут же отпрянула.

— Это Стас, помощник Аркадия Петровича, — прошептала она. — Тот самый, который везде за ним ходил. Говорят, он знал все его схемы.

Стас поднял голову. И на секунду их взгляды встретились. Потом он резко развернулся и пошёл прочь, быстро, почти бегом.

Света почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Он искал меня, — сказала она. — Или искал что-то, что у меня есть.

— Или боится, что ты найдёшь то, что знал Аркадий, — добавила Надя.

Света посмотрела на свои записи: скриншоты, конверт, блокнот с пометками. Всё это лежало на столе, как открытая книга.

— Надо спрятать, — решительно сказала она. — И надо поговорить со Стасом. Пока он не решил, что проще заставить меня замолчать, чем объясняться.

Марсик спрыгнул со стола и подошёл к двери, будто показывая: «Пошли. Я буду прикрывать тыл».

Глава пятая. «Когда булочки уже не пахнут уютно»

Света нажала «Опубликовать» и на секунду замерла, глядя, как крутится маленький кружок загрузки. Над текстом висел заголовок: **«Тёплый хлеб: между мечтой и долгом»**. Внутри — не про глазурь и не про идеальную корочку, а про то, как Марина Викторовна ночами пересчитывала муку, как Дима шептал тесту: «Ну, поднимайся, родной», и как над всем этим нависала тень Аркадия Петровича с его «решающим голосом».

— Готово, — выдохнула Света. — Пусть теперь редактор сам решает, увольнять меня или нет.

Надя, стоявшая за её плечом, хлопнула в ладоши, но тут же притихла, будто испугалась собственного звука.

— Ты молодец, — тихо сказала она. — Это честно. А в нашем городе честность — штука опасная.

Марсик, который до этого пытался стащить с монитора стикер, вдруг замер, наострил уши и уставился на дверь.

— Что там? — напряглась Света.

В этот момент телефон завибрировал так, будто хотел выскочить из подставки. На экране — чат городского паблика. Сообщение за сообщением:

«Вы видели статью Калмыковой?!» «Да она всё перевернула!» «А ведь говорили, что с Ветровым лучше не связываться...» «Кто теперь будет печь хлеб?!»

И следом — звонок. Редактор. Света поморщилась, но взяла трубку.

— Калмыкова, — голос звучал не зло, а как-то обречённо. — Ты понимаешь, что сейчас запустила цепную реакцию?

— Понимаю, — твёрдо ответила Света. — Но я не могла врать про булочки, когда там была борьба за выживание.

— Ладно, — вздохнул редактор. — Статья остаётся. Но будь осторожна. В таких историях правда иногда бьёт не по репутации, а по голове.

Она положила трубку и посмотрела на Надю:

— Кажется, я только что подписала себе... ну, не приговор, но предупреждение.

Тут дверь резко распахнулась. На пороге стоял Стас — тот самый, которого они видели у подъезда. Только сейчас он не прятал лицо: глаза у него были расширены, руки дрожали, а куртка была расстёгнута, будто он бежал и не замечал холода.

— Вы... — выдохнул он, уставившись на Свету. — Вы это опубликовали? Прямо сейчас? Света инстинктивно прикрыла ноутбук.

— Да. А что?

Стас шагнул внутрь, не спрашивая разрешения, и захлопнул дверь.

— Вы не понимаете, — прошептал он. — Он всё это время держал всё в голове. И в папках. А теперь, когда статьи пошли... люди начнут вспоминать. И искать.

— Кто? — спросила Света, стараясь говорить спокойно, хотя сердце колотилось где-то в горле. — О чём ты?

— Люди, которым Аркадий Петрович должен был деньги, — хрипло сказал Стас. — Или которые должны были ему. Те, кто думал, что всё замаяли. А теперь ваша статья — как спичка.

Надя осторожно подвинулась ближе к Светиному плечу.

— А ты? — спросила она. — Ты ведь был рядом с ним. Ты знал все его дела.

Стас горько усмехнулся:

— Я знал только то, что он позволял знать. Я был курьером, секретарём, водителем... и мальчиком для битья, когда что-то шло не так. И я не хочу быть им снова.

Света вдруг заметила, что на его рукаве — свежая царапина, будто он цеплялся за что-то или от кого-то убегал.

— Ты боишься, — сказала она, и это прозвучало не как обвинение, а как констатация. — За себя.

Стас кивнул, не стыдясь этого признания.

— Вчера я пытался забрать одну папку из его кабинета. Ту, где были копии договоров с пекарней и ещё кое-что. Но её уже не было. Кто-то опередил меня. И сегодня... сегодня мне позвонили. Сказали, что, если я буду болтать — мне не жить.

— И ты пришёл к нам? — удивилась Надя.

— К журналистке, — поправил Стас. — К той, которая пишет. Может, если правда будет везде, они не посмеют...

Света посмотрела на свой опубликованный текст, на блокнот с пометками, на испуганного мужчину у двери. И вдруг поняла: она не просто писала статью. Она запустила процесс, который уже нельзя остановить.

— Расскажи всё, — попросила она. — С самого начала. Про папку. Про то, кто мог её забрать. И про записку: «Я всё знаю». Это мог быть ты?

Стас покачал головой:

— Не я. Но я знаю, кому она могла быть адресована. Есть человек, который собирал на Аркадия Петровича досье. Тихий, незаметный... бухгалтер из старой конторы. Он говорил, что знает, как всё устроено. И что однажды это взорвётся.

— Бухгалтер, — повторила Света, записывая. — Фамилия?

— Горохов, — сказал Стас. — Пётр Ильич. Раньше работал у Ветрова, потом его уволили. С тех пор он молчал. Но, может, это он оставил записку. Может, он и есть тот, кто «всё знает».

В комнате повисла тишина. Даже Марсик перестал шуршать и теперь сидел, уставившись на Стаса, будто решал, можно ли этому человеку доверять хотя бы на один вечер.

— Значит, у нас есть три линии, — медленно произнесла Света, раскладывая в голове пазл. — Дима, которому угрожали закрытием пекарни. Вдова, которой, возможно, надоело жить под этим давлением. И Горохов — бухгалтер, который всё знал и мог угрожать разоблачением.

Стас сжал кулаки:

— Только не думайте, что я тут чтобы кого-то подставить. Я просто хочу, чтобы меня не тронули.

— Мы не сдадим тебя полиции, — пообещала Света. — Но ты должен помочь. Если Горохов собирал документы, значит, где-то есть копия. Или черновик. Или что-то, что подтвердит его слова.

Стас на секунду задумался, потом кивнул:

— У него есть старый гараж. Там он хранил архивы. Я могу показать. Но... ночью. Днём там могут быть не только мы.

Надя хмыкнула:

— Ну вот, опять приключения после заката. Света, ты точно хотела просто написать про булочки?

Света криво улыбнулась:

— Хотела. Но жизнь подсунула мне детектив.

Через час они стояли у старого гаражного кооператива на окраине города. Фонари здесь горели через один, а тени казались гуще обычного. Стас шёл впереди, показывая дорогу, и всё время оглядывался. Надя держала в руке фонарик, а Света — блокнот и диктофон. На всякий случай.

Гараж Петра Ильича был ничем не примечателен: ржавые ворота, замок, покрытый каплями дождя. Стас достал связку ключей — Света даже не спросила, откуда они у него.

— Он доверял мне, — коротко пояснил Стас, вставляя ключ. — Иногда просил подвезти коробки.

Дверь скрипнула, и в нос ударил запах пыли и старой бумаги. Внутри на полках стояли коробки с надписями: «Бухгалтерия», «Договоры», «Разное».

— Вот, — прошептал Стас, указывая на одну из них. — Тут были копии.

Света потянулась к коробке... и вдруг замерла.

Внутри было пусто. Только на дне лежал одинокий лист — и на нём аккуратным почерком выведено:

«Слишком поздно. Правда уже не спасёт».

Рядом — смятая фотография: Горохов и Аркадий Петрович, улыбающиеся на фоне стройки. Только теперь Света заметила, что у Горохова в глазах — не радость, а страх.

— Его нет, — прошептал Стас. — И документов нет. Кто-то забрал всё.

Надя посветила фонариком по углам.

— Или он сам всё спрятал, — предположила она. — И ушёл.

Света медленно подняла голову. В темноте гаража ей вдруг стало ясно: убийца не просто хотел скрыть одно преступление. Он зачищал следы целой системы. И если Горохов действительно «всё знал», то он мог стать следующей жертвой.

— Надо найти его, — решительно сказала Света. — Пока с ним ничего не случилось.

Стас посмотрел на неё с уважением:

— Знаешь, — тихо произнёс он. — Аркадий Петрович всегда говорил, что журналисты — это шум, который можно заглушить. Но он ошибался. Иногда этот шум — единственный, кто слышит правду.

Марсик, который до этого обнюхивал углы, вдруг мяукнул и бросился к выходу, будто торопил их: «Хватит разговоров. Пора действовать».

Глава шестая. «Цена одной правды»

Дом Петра Ильича Горохова оказался на самой окраине, в старом квартале, где дворы ещё помнили времена, когда соседи знали друг друга по именам, а теперь старались не встречаться даже взглядом. Света, Надя и Стас стояли у покосившейся калитки, а Марсик, будто чувствуя напряжение, прижимался к ноге Светы, не издавая ни звука — только уши подрагивали.

— Он здесь, — тихо сказал Стас, кивая на тусклый свет в окне. — Я видел тень. Он не спит.

Света глубоко вдохнула, постучала — сначала робко, потом решительнее. За дверью послышались шаркающие шаги, щёлкнул замок, и на пороге появился Горохов. Не тот уверенный бухгалтер с фото из гаража — седой, ссутулившийся, с глазами, в которых застыл тяжёлый, липкий страх.

— Чего надо? — буркнул он, не приглашая войти.

— Пётр Ильич, — начала Света, стараясь говорить мягко, но твёрдо. — Мы знаем, что вы собирали материалы на Аркадия Петровича. Знаем, что вы всё понимали про его схемы. И мы нашли пустую коробку в гараже. Кто-то забрал ваши документы. А значит, они опасны. И для вас — особенно.

Горохов дёрнулся, будто его ударили, и быстро оглянулся в тёмную комнату, словно там кто-то мог прятаться.

— Ничего я не знаю, — пробормотал он, уже закрывая дверь. — Уходите.

— Подождите! — Света шагнула вперёд и удержала створку рукой. — Пожалуйста. Мы не из полиции. И не от них. Но если вы промолчите, убийца останется безнаказанным. А если он поймёт, что вы могли что-то сохранить... он придёт к вам. Или к тем, кто вам дорог.

При этих словах Горохов побледнел так, что даже в полумраке это было заметно.

— Не трогайте мою семью, — прошептал он, и в этом шёпоте было столько боли, что у Светы сжалось сердце. — Я молчал столько лет. Ради них. Чтобы никто не тронул мою дочь, чтобы внук спокойно ходил в школу. Вы не понимаете, каково это — жить и ждать, когда постучат не в твою дверь, а в дверь тех, кого любишь.

Надя шагнула ближе, но не навязчиво — просто встала рядом, как щит.

— Мы понимаем, — тихо сказала она. — И мы не просим вас выходить на трибуну. Просто скажите: вы сохранили хоть что-то? Хоть одну копию? Хоть строчку, которую можно показать полиции, чтобы они начали копать?

Горохов сжал кулаки, потом медленно разжал.

— Я не хранил дома, — выдохнул он. — Ни бумажки. Только... только в голове. И в одном месте, где никто не догадается.

Стас кивнул, будто знал, о чём речь.

— В библиотеке, — сказал он. — В читальном зале. Вы оставляли заметки в старых книгах. Делали закладки, пометки на полях... никто не поймёт, что это схема.

Горохов уставился на него с изумлением:

— Ты... ты следил за мной?

— Я просто знал, как вы думаете, — спокойно ответил Стас. — Вы не доверяли цифрам на бумаге. Вы доверяли книгам. Там, где никто не ищет.

Света посмотрела на Горохова, и в этот момент поняла: он не трус. Он просто отец и дед, который выбрал молчание как способ защиты. И сейчас ему нужно было не давление, а гарантия, что его признание не станет приговором для близких.

— Пётр Ильич, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Если вы расскажете всё, что помните, я пойду в полицию. Не как журналист, который хочет сенсацию, а как свидетель. И я попрошу их обеспечить защиту вашей семье. Официально. Пока идёт следствие.

Горохов долго молчал. Потом тяжело вздохнул и отступил в сторону, открывая проход: — Заходите. Но тихо. И быстро. У меня есть двадцать минут. Дочь должна вернуться с работы, и я не хочу, чтобы она видела, как я снова становлюсь врагом.

В маленькой комнате пахло старой бумагой и крепким чаем. На полке — стопки книг, на столе — потрёпанный блокнот. Горохов сел, положил руки на колени, будто удерживая себя от побега, и заговорил. Его голос был тихим, но слова ложились, как кирпичи: точные, тяжёлые, неотменимые.

Он рассказывал про «Рассвет» и про то, как Ветров переводил деньги через подставные фирмы, как менял подписи, как заставлял людей подписывать пустые бланки «на всякий случай». Про пекарню он знал немного, но знал главное: Аркадий Петрович не собирался делиться контролем. Он хотел, чтобы бизнес стал ещё одним рычагом — и если кто-то сопротивлялся, он умел давить.

— А записка «Я всё знаю»? — спросила Света, записывая. — Это было про вас?

Горохов кивнул:

— Это я написал. Не ему. Я оставил её в его кабинете, чтобы он понял: я не боюсь. Но я не убивал его. Я просто хотел, чтобы он оставил меня в покое. А потом... потом я понял, что сделал только хуже. Что теперь они будут искать, кто знает. И я спрятался.

Света закрыла блокнот. В голове складывалась картина: Ветров — паук, оплетающий город нитями долгов и обязательств. Дима — тот, кто пытался вырваться. Елена Сергеевна — та, кто жила в этой паутине годами. И Горохов — единственный, кто осмелился сказать «я вижу».

— Спасибо, — тихо сказала Света. — Вы очень смелый человек.

Горохов горько усмехнулся:

— Смелость — это когда защищаешь других. А я просто устал бояться в одиночку.

Когда они вышли, ночь уже накрыла город плотной шалью. Марсик первым почувствовал неладное: шерсть на загравке встала дыбом, он замер, потом тихо зарычал.

Из темноты, от угла соседнего дома, выступила фигура. Высокий, в тёмном пальто, с лицом, которое Света уже видела — помощник Елены Сергеевны, тот самый, что сидел с ней в кафе.

— Ну-ка, стойте, — произнёс он, подходя ближе. — Что вы тут делали?

Стас шагнул вперёд, закрывая собой Свету и Надю.

— Гуляли, — резко сказал он. — А ты что тут делаешь? Следишь?

Помощник прищурился, переводя взгляд с одного на другого.

— Хозяйка волнуется, — процедил он. — Говорит, тут журналисты шныряют. И бухгалтер какой-то пропал. А теперь вот вы все вместе.

— Бухгалтер никуда не пропал, — твёрдо сказала Света, выходя из-за спины Стаса. — Он дома. С семьёй. И если с ним или с ними что-то случится, об этом узнают все. Я уже всё записала. И отправила копию редактору и в областную газету. На всякий случай.

Помощник замер. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение — или на расчёт.

— Ладно, — наконец бросил он. — Но держитесь подальше от Елены Сергеевны. Она и так на грани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.